

Ливанов Федор Васильевич

Раскольники и острожники

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Васильевич Л.**
Раскольники и острожники: Том 1 / Ливанов Федор Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 459 с.

ISBN 978-5-519-93398-8

ISBN 978-5-519-93398-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зять собою нѣчто въ родѣ пирога. Тутъ жили крестьяне, нѣкогда называвшіеся крѣпостными помѣщика Пузанова, а нынѣ свободные собственники наисквернѣйшей земли, которою, съ помощью пріятеля-землемѣра, постарался надѣлить ихъ Пузановъ. Десять дворовъ изъ сихъ крестьянъ убрались уже на новыя, пріисканныя ими въ другихъ уѣздахъ, земли, а шесть дворовъ застряли по бѣдности своей и не знали, куда главу преклонить. Антонъ Лаврентьичъ приобрѣлъ настоящую усадьбицу двадцатилѣтнюю своею безпорочною службою... на имя жены своей, немудрящей дворянки—засидѣвшейся въ свое время въ дѣвкахъ до тридцатилѣтнаго возраста и на двадцать-восьмомъ году своей жизни игравшей еще съ азартомъ въ свои козыри съ сѣнными дѣвками—и поселился въ усадьбѣ при отставкѣ въ 1859 году, когда судебные слѣдователи отгѣснили становыхъ съ просторной дороги, чтобы въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ доживать остатокъ дней своихъ. Неожиданное освобожденіе крестьянъ лишило, однако, скоро Лупоярова восьми человѣкъ крѣпостныхъ даровыхъ слугъ, такъ что миръ и спокойствіе остались при немъ, но восемь дворовыхъ людей отлетѣли безвозвратно. Впрочемъ у Антона Лаврентьича, за надѣломъ своихъ восьми душъ крестьянъ, осталась еще тысяча десятинъ земли и онъ могъ влачить остатокъ дней своихъ безъ нужды.

Лѣтомъ въ 1860 году мнѣ довелось проѣзжать мимо описанной усадьбы Антона Лаврентьича, и я рѣшился завернуть къ нему, чтобы послушать его разсказовъ про былое время. Изъ общей молвы я слышалъ объ немъ, что онъ большой краснобай, любитъ поговорить о быломъ, и радъ бываетъ, когда кто къ нему завернется, но несчастье его состояло въ томъ, что къ нему мало кто завертывалъ. Въ С...ой губерніи наперечетъ знали его прежнюю службу, какъ становаго, и отзывались объ немъ съ полнымъ негодованіемъ. Господинъ Лупояровъ несъ, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ бару общественнаго мнѣнія.... Что же? Не жѣшайтъ, думаю, знакомиться съ разнаго рода типами, населяющими русскую землю; авось извлечешь и какую-нибудь назидательную пользу!

И я рѣшился заѣхать къ Антону Лаврентьичу.

Въѣзжаю на пустой дворъ, заросшій лебедою: кругомъ пустынно и безлюдно. Вхожу въ домъ и осматриваю: внутренность дома тоже невесела. Все въ немъ мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Босая баба провела меня въ гостиную, съ кожанымъ диваномъ и кожаными старомодными креслами. Хозяинъ не замедлилъ выйти изъ дѣтской въ гостиную и долгое время могъ привѣтствовать меня только знаками и тѣлодвиженіями, на которыя я, съ своей стороны, отвѣчалъ однѣми улыбками и поклонами, потому что двѣ легавы собаки и одна комнатная шапка, воѣжавшія въ дверь гостиной съ хозяиномъ, подвляли такой ужасный лай, что Антонъ Лаврентьичъ хлопавшемъ по воздуху пестрымъ носовымъ платкомъ и другими средствами едва, въ продолженіе цѣлыхъ десяти минутъ, могъ успокоить разъярившуюся домовую свою стражу. Воспользовавшись возстановившею тишиною, я наконецъ назвалъ хозяину, который въ одинъ со мною голосъ объявилъ, что очень радъ новому знакомству. Сѣли. Антонъ Лаврентьичъ немного смущался и громко сморкался въ носовой платокъ. Онъ былъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, высокій, полный, но осунувшійся мужчина и съ небритую, сѣдоватую бородою. Лице его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, лѣни и отчасти плутовства. Живу, по его словамъ, онъ схоронилъ назадъ тому шесть лѣтъ, дѣти его все мерли, такъ что у него осталась одна только дочь, и то застарѣвшаяся дѣва, которая скоро и вышла къ намъ въ гостиную. Довольно высокая, худая, съ изношеннымъ лицомъ и накладкой красноватыхъ волосъ, дѣва эта кое-какъ завязала съ нами общій разговоръ, предлагая вопросы хотя незначительные, но способные поддержать бесѣду. Дѣло пошло на ладъ. Дупороевъ сталъ развязнѣе, безъ смущенія сталъ сморкаться въ носовой платокъ, безпрестанно вынималъ берестовую табакерку и сталъ называть меня уже: милый человѣкъ, батенька. Это, какъ видно, были его всегдашнія поговорки. Скоро смерклося. Мы напились чаю, который подавала экономка — толстая, краснощекая баба, при входѣ которой въ гостиную послышался дѣтскій пискъ въ спальнѣ. Экономка заторопилась:

— У васъ еще и маленькіе есть? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это вотъ у экономки. Я тутъ... она, знаете...

И Антонъ Лаврентьичъ замаялся. Я сконфузился.

Послѣ чаю старая дѣва скрылась и выслала въ гостиную водочки съ закускою. Антонъ Лаврентьичъ выпилъ рюмочку и мнѣ предложилъ другую. Я отказался.

— Ужели не пьете совсѣмъ? спросилъ удивленно Лупояровъ.

— Не пью.

— Странно, какіе люди нынѣ стали водиться.

— Ничего, говорю, нѣтъ страннаго.

— Я не объ васъ собственно говорю, подхватилъ Лупояровъ — а такъ вообще о новомъ времени. Чудно какъ это все идетъ нынѣ, куда ни посмотришь. Все какъ-то иначе. Прошло старое времячко совсѣмъ.

— Да, говорю, прошло.

Пауза.

— Вы бы рассказали мнѣ, говорю, Антонъ Лаврентьичъ, чтонибудь про старое ваше время. Я охотнѣе слушать про былое.

— Что же интереснаго вы найдете въ немъ? Люди только дурили тогда, доложу вамъ, а не жили. Вотъ нынче, говорятъ, совсѣмъ другое: всѣ поуmnѣли; даже и раскольники, на что ужъ дураки были, и тѣ стали умнѣть.

— А вы много имѣли дѣлъ съ раскольниками?

Лупояровъ усмѣхнулся.

— Какъ же, батенька, не имѣть, когда я двадцать лѣтъ былъ становымъ среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ въ Н...мъ уѣздѣ. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Кушайте, говорю, за меня: все равно — я приму это за угощеніе.

— Ну хорошо.

И Лупояровъ выпилъ двѣ рюмки: за себя и за меня.

Я примѣтилъ, что Антона Лаврентьича начинало манить къ разсказамъ о быломъ, какъ военнаго служаку къ повѣствованіямъ о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Его круглое лицо, съ большими карими глазами и засинѣвшими губами, покрылось легкой улыбкой, которая заиграла и на ямочкахъ щокъ. Вся фигура его забрзгала какъ-то въ креслѣ.

— И любопытный, говорю, народъ эти раскольники?

— Блажной, батенька, блажной, а не любопытный: дураки неповитые.

Опять небольшая пауза.

— У васъ я думаю много анекдотовъ хранится въ памяти объ ихъ житьё-бытьё?

— Много, батенька, много. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Сдѣлайте милость: и за себя и за меня, безъ церемоніи.

И Антонъ Лаврентьичъ выпилъ еще двѣ рюмки и началъ свой разсказъ, который мы и записали для читателей, раздѣливъ его на главы.

I.

БЫЛЪ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЪ.

— Въ наше время, батенька, становые имѣли совсѣмъ другой колеръ, чѣмъ нынѣ, а исправникъ былъ то же въ уѣздѣ, что губернаторъ въ губерніи. Ну оно служить было и лестно! Ъдешь, бывало, по селу раскольникъему — у меня весь Н...ій уѣздъ состоялъ изъ раскольникъаго населенія — всѣ мужички и бабы поклонъ до земли.

Ъдетъ, говорятъ, бояринъ,

Ъдетъ думный —

Дайте дорогу!

Эту пѣсню они изъ книгъ какихъ-то взяли, и всегда повторяли ее, когда я или исправникъ проѣзжали среди ихъ. Я доподлинно зналъ, что они меня, исправника и все начальство вообще ненавидятъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ, но пѣсню эту распѣваютъ однако, когда встрѣчаются съ начальствомъ, потому — боятся силы начальной. Надо и то сказать, мы имъ шалить-то особенно и не позволяли: вѣдь въ нашихъ рукахъ живьемъ были! Чуть, бывало, заврутсѣ, мы ихъ и въ острогъ... Не забывайся, значить, — знай свое начальство! Они, разумѣется, хорошо понимали нашу силу, потому что всѣ строгія вышія распоряженія сыплются, бывало,

прямо къ намъ въ руки и мы должны ихъ приводить въ исполненіе. Нынѣ вотъ, говорятъ, иначе это дѣло дѣлается, а въ наше время строгости къ раскольникамъ сыпались каждую недѣлю, въ разныхъ предписаніяхъ, такъ что едва, бывало, успѣваешь во входящую записывать. Только, скажу вамъ, строгость эта усиливалась лишь въ этихъ раскольникахъ упорство и ненависть къ намъ. Я замѣтилъ въ продолженіе всей своей двадцатилѣтней службы, что какъ только, бывало, высшее начальство начнетъ усиливать предписанія свои строгостями къ раскольникамъ, такъ цѣлыя деревни почнутъ обращаться въ расколъ, чтобы въ страданіяхъ за гонимыхъ несчастныхъ соплеменниковъ своихъ получить скорѣе и вѣрнѣе вѣнецъ мученическій... Должно быть, говорятъ, вѣра раскольниковъ права, когда претерпѣваетъ гоненія отъ нечестиваго начальства, какъ въ древности христіанская церковь подвергалась гоненіямъ отъ язычниковъ?! Вотъ и толкуйте вы съ ними! Такой ужъ глупый народъ. Я думаю, что все это отъ необразованности зависитъ, потому часто бывало и такъ дѣлаешь, жалѣючи дураковъ: возьмешь съ каждой сотни изъ новообращенныхъ въ расколъ по пятидесяти руб. сер., то-есть по полтиннику съ рыла, да и донесешь начальству, что все мѣры строгости приняты были противъ размноженія раскола, и совратившихся вновь изъ православія не оказалось. А то согласитесь сами: вѣдь ихъ канальевъ затаскають по острогамъ, а нашъ братъ изволь каждого дурака допрашивать — завяжется до тысячи новыхъ дѣлъ, изволь ихъ производить!.. Вотъ бѣглымъ и вреднымъ людямъ я не потакалъ. Но изъ этихъ бѣглыхъ, скажу вамъ, есть совсѣмъ безвредные, которыхъ я, жалѣючи ихъ дурость, всегда миловалъ. У нихъ, видите ли, есть глупое такое ученіе, что надобно бѣжать въ лѣса отъ притѣсненія полиціи и правительства. И вотъ они открыли дороги изъ Москвы и Тулы во все мѣста Россіи, и изъ этихъ двухъ городовъ, какъ отъ центровъ, по всему лицу русской земли до Чернигова, Костромы, Кавказа и Иркутска, расходятся недовольные искать въ лѣсахъ спасенія. Само собою разумѣется, какое же присутственное мѣсто дать паспортъ мужику на жительство въ лѣсу—этого и закона нѣтъ; вотъ они и придумали свои паспорта, съ которыми и гуляютъ изъ лѣса въ лѣсъ,

изъ губерніи въ губернію, живутъ у своихъ страннопріимцевъ и воображаютъ, что живутъ внѣ начальства. А какое внѣ начальства? что ни шагнетъ каждый—то въ рукахъ полиціи! У меня въ уѣздѣ каждый годъ такихъ недовольныхъ до тысячи человекъ проходило, и ни одинъ не прокрадывался мимо моихъ рукъ. Спросишь, бывало, молодца:

— Паспортъ есть?

— Есть, говорить.

— Кажи.

Онъ вынимаетъ листъ бумаги и подаетъ. Читаешь.

— Что, братъ, это у тебя за галиматья? Откуда выданъ?

— Смотри, говорить, и разумѣй.

— Да разумѣть-то, молъ, нечего, ерунда какая-то! А настоящий паспортъ есть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Не принимаю. Это печать правительства — знакъ Антихриста.

— А въ острогъ за это хочешь?

— Готовъ, говорить, все претерпѣть, на это обреченъ есмь... Не страшатъ меня муки лютыя, звѣри хищныя, не боюсь слугъ Антихриста; и пойдетъ и пойдетъ...

— Ну что, спрашиваю я васъ, батенька, обратился ко мнѣ Лупояровъ, — вы сдѣлали бы, на моемъ мѣстѣ, съ такимъ дуракомъ? Вѣдь его въ какой угодно острогъ сажайте, въ какую угодно Сибирь ссылайте—Восточную или Западную—онъ все свое будетъ говорить, все будетъ переносить съ воловьимъ терпѣніемъ, а главное—въ полной увѣренности получить за это вѣнецъ мученическій, а сообразите: чрезъ эти его глупыя страданія за вѣру еще вѣскольکو селъ пойдетъ въ расколъ, синодикъ объ немъ напишутъ, моленія начнутъ совершать и еще тѣснѣе соединатся между собою... Вотъ по этимъ-то причинамъ подумаешь-подумаешь бывало, да и скажешь: а ну-ка принеси мнѣ братъ изъ своихъ трудовъ праведныхъ пять руб. сер., да и убирайся изъ моего уѣзда поскорѣе въ другой, куда тебѣ путь лежитъ, а я тебѣ дѣлать зла не хочу! И такимъ-то образомъ, скажу вамъ, вошло у

меня въ обычай, что всякій проходящій по моему уѣздѣ „странникъ — бѣглый“ долженъ былъ являться ко мнѣ непременно, и заявлять добровольно свой паспортъ, при чемъ прилагать и пять руб. сер., чтобы знаете ужъ потомъ онъ никакой придирки не боялся, пока посѣщаетъ своихъ братій... Вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на всѣ ихъ паспорта, которые оказывались весьма разнаго калибра, но я, однако, наконецъ наострился въ этомъ дѣлѣ такъ, что по паспорту сталъ узнавать, что за птица предъявитель его. Скопца, бывало, напримѣръ, спросишь:

— Съ паспортомъ?

— Съ паспортомъ, отвѣтитъ.

— Давай.

— Извольте.

— Ты скопецъ?

— Такъ точно. *

— А отъ кого паспортъ выданъ?

— Отъ великаго Царя-Спасителя, небу и земли Вседержителя.

— А ты у него былъ?

— Я? Нѣтъ... это значить... Ну и замнется бывало человѣкъ такъ, что совсѣмъ въ тупикъ станетъ.

— Ну а гдѣ паспортъ прописать?

— Въ полицію, говоритъ, полной, еже имѣти разумъ духовный...

— А гдѣ же эта полиція?

— Она невидима.

— Что же, молъ, за разумъ у ней духовный? А развѣ въ нашей полиціи нѣтъ разума; развѣ она безголовая какая; развѣ я, напримѣръ, дуракъ что ли по твоему?

— Сіе, говоритъ, должно разумѣть иначе...

— А это вотъ что въ паспортѣ твоемъ за слово: „кто вѣры ради тебя погонять, тотъ въ геенну себя готовить“?

— Сіе разумѣй о начальствѣ, которое вѣру нашу гонить...

— Такъ ты думаешь, что я въ геенну-то такъ вотъ за тебя дурака и пойду, и начну тебя преслѣдовать? Ошибся, другъ любезный, я умнѣе тебя: вотъ возьму, да отпущу тебя, и геенны огненной избавлюсь. Понялъ?

— Сіе, говорить, отъ воли человѣка зависитъ. Пути въ царствіе божіе всёмъ открыты!...

— Ну такъ, молъ, давай-ка пять руб. сер., да и съ Богомъ поскорѣе убирайся изъ моего стада“. Разочтешься, знаете, такимъ образомъ съ рабомъ божіимъ, да и съ рукъ его долой, и дѣла лишняго себѣ на шею не вяжешь... Такъ вѣдь что вы думаете? Сердятся бывало каналы: вѣра, говорятъ, наша не очищается въ горнилѣ; Бога знать прогнѣвали... Извольте вы тутъ понимать ихъ! Но неотвязчивѣ всёхъ, скажу вамъ, были предъявители странническихъ паспортовъ. Подастъ, бывало, свой паспортъ канала, а самъ такъ и смотритъ въ глаза: какое, дескать, намѣреніе имѣю я въ отношеніи къ нему? Возьмешь паспортъ его и читаешь. Въ паспортѣ, по обыкновенію, написано:

„П А С П О Р Т Ъ.

„Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой.

Кого ся убою,

Господь защититель живота моего,

Кого ся утрашу.

Аще ополчится на мя полкъ,

Не убоится сердце мое.

„По благоволенію великаго и пресильнаго всемірнаго царя, которымъ сотворено небо и земля, по его владычному повелѣнію, данъ сей указъ душѣ моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего, великій господинъ, Богъ града вышняго и уѣзду, Пустынскаго стану, Чернопенскаго села Будова, того господина всяя твари едина. Имя ему сый, санъ его благословеннаго. Азъ деревни Нечкина, а прописаны мнѣ лѣта—радость будущаго свѣта. А приложено множество св. отецъ рукъ, еже бояться страшныхъ и вѣчныхъ мукъ, а прописанъ въ полиціи полной, имѣть разумъ духовный, а заномеренъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности, идти правымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣсы раба божія нигдѣ, а кто страннаго пріятъ

будеть бояться, тотъ не хочетъ съ господиномъ моимъ знаться; а кто мя вѣры ради погонитъ, тотъ явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовить. Упованіе намъ Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель намъ Духъ Святой, а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать. Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Матерь Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ. Аминь“!

— Твой? спросишь по прочтеніи паспорта.

— Мой.

— Въ острогъ хочешь?

— Радъ за вѣру страдать!..

— А деньги пять руб. принесть съ собой?

— Принесть.

— Давай?

— Извольте!

— Ну и прощай, молъ, любезный, да поскорѣе уходи изъ моего стана. Такимъ манеромъ сръжешь, бывало, молодца, онъ и поидетъ себѣ по добру по здорову... Паспорты эти отъ нихъ я не отбиралъ, потому что толку въ такой галиматѣй? Никому они вреда не причиняютъ, ничего въ нихъ кромѣ глупаго не содержится, да и интереснаго мало; но вотъ, когда попадались у нѣкоторыхъ изъ нихъ писанія разныя, которыя они разносятъ часто съ собою изъ губерніи въ губернію, то особенно занимательныя я оставлялъ у себя. Соберутся бывало когда застѣлатель, священникъ, ну—и посмѣмся вмѣстѣ... У одного, напримѣръ, я однажды отобралъ „газету Ада“. Занимательная штука! Если любопытствуете, я сейчасъ привнесу вамъ ее.

И Антонъ Лаврентьичъ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ.

II.

ГАЗЕТА АДА.

По уходѣ Антона Лаврентьича, я остался одинъ. Старая дѣва, дочь Лупойрова, сообразивъ, что гость оставленъ одинъ, вошла тотчасъ ко мнѣ въ гостинную изъ дѣтской.

— Но скучно вамъ? отнеслась она ко мнѣ.

— Помилуйте, говорю, можно ли скучать, когда Антонъ Лаврентьичъ рассказываетъ такіе любопытные анекдоты, что я готовъ слушать его цѣлую ночь.

— Ахъ одно и тоже! воскликнула дѣва. — Таеъ ужъ надоѣло всеѣмъ, что и слушать не хочется.

Дѣва замолчала. Пауза.

Наконецъ, Лупояровъ возвратился изъ поисковъ.

— Все ли рѣдкости нашли? спросила его дочь.

— Мало что-то матушка; больше было.

— Да я на выкройки много изрѣзала...

— Вотъ извольте тутъ, батенька, любопытное собирать, отнеся ко мнѣ Лупояровъ. — Вѣдь для пріятелей было-берѣгъ, почитать иногда гостю, а она вотъ на выкройки изрѣзала!...

Дочь Лупоярова, обидѣвшись, вышла изъ гостиной. Антонъ Лаврентьичъ положилъ на столъ довольно толстую тетрадку зашпаленныхъ листовъ разнаго формата, сшитыхъ вмѣстѣ, и проговорилъ:

— Вотъ не хотите ли послушать?

— Съ большимъ, говорю, любопытствомъ.

И Лупояровъ сталъ читать:

„ГАЗЕТА АДА.

„Вышла газета изъ ада, какая будетъ грѣшнымъ отъ сатаны награда. И въ безконечные вѣки не будетъ душамъ ихъ отрады. Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ человекъ. Грѣхъ скончался, истина охранилась, любовь простудю больна. Честность и вѣрность въ отставку вышла. Вѣра ушла въ пустыню. Совѣсть поправа ногами, благодѣяніе таскается по міру. Терпѣніе скоро лопнетъ. Ложь нынѣ присутствуетъ, безчиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость съ монахами познакомилась. Тщеславіе игуменствуетъ. Братоненавидѣніе инокомъ поставлено. Невѣжество старѣйшествуетъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ бѣсамъ адъ наполнить